

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.111'42
ББК ШП43.21-51

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

С. В. Иванова
Санкт-Петербург, Россия

З. З. Чанышева
Уфа, Россия

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОДЕРЖАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

АННОТАЦИЯ. В статье изложены процедуры проведения лингвистической экспертизы идеологической составляющей политического текста. В качестве эмпирического материала исследования выбрано выступление 45-го американского президента Дональда Трампа на 72-й сессии Генассамблеи ООН в сентябре 2016 года и ответные реакции на него в мировой прессе. Данная речь квалифицируется авторами как типичный образец современного конфликтного дискурса в политической коммуникации. В работе использован лингвокультурологический подход, рассматривающий идеологическую составляющую текста как разновидность культурно-ценностной информации. Лингвокультурологический подход при анализе материала сочетается с компонентным, контекстуальным и дискурсивным методами. В процессе анализа выработана трехуровневая модель экспертизы текста, которая включает 1) уровень языковых элементов текста, 2) уровень реализации культурологической модальности, который отвечает за актуализацию категорий лингвокультурологической парадигмы и лингвополитики, и 3) дискурсивный уровень, отражающий особенности лингвополитического моделирования информации о политической реальности и соответственно содержащий экспликацию идеологической модальности. В результате лингвистической экспертизы установлена роль идеологических коннотаций, отображающих в сознании субъекта политического дискурса культурно-ценностное представление о проблемах мироустройства. На категориальном культурологическом уровне выявлены условия функционирования категорий «свои» / «чужие», «прецедентность», «политическая власть», «категория политической асимметрии и неравенства» в межкультурном пространстве. На уровне дискурсивной организации текста показана роль идеологических ценностей американской лингвокультуры в лингвополитическом моделировании миропорядка, продолжающем традиции политики «постправды» относительно актуальных событий в настоящем, ценностных оценок прошлого и прогнозов будущего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; политический дискурс; лингвокультурологическая парадигма; лингвокультурологическая модальность; лингвополитический подход; информационное моделирование; идеологические оценочные коннотации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Чанышева Зульфира Закиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет; 450074, Россия, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 16; e-mail: chanyshvezaz@yandex.ru.

Введение

В последние годы отмечается активный перенос методов лингвистической экспертизы из области юстиции в другие сферы [Баранов 2009]. Этот подход следует признать крайне востребованным в исследовании современного политического дискурса, в котором нередко существует конфликтность в толковании, освещении, оценке и прогнозах развития ситуаций. Сам политический дискурс в этом контексте нередко приобретает характеристики, порождающие и углубляющие конфликт в условиях войны слов. Сегодня как никогда раньше ощущается влияние лингвистического фактора как мощного политического ресурса в обществе, как орудия разжигания вражды и ненависти, как инструмента лингвополитического моделирования действительности, часто не имеющего ничего общего с реальностью [Луман 2005: 13, 120—121; Маклюэн 2003; Чанышева 2016]. Цель настоящей статьи заключается в определении специфики проявления идеологии как неотъемлемой черты политического конфликтного дискурса с

позиций лингвокультурологии и лингвополитики.

Превращение дискурса в междисциплинарную область знания является следствием того, что он представляет собой тот методологический узел, в котором сходятся интересы различных направлений исследований (Н. Ф. Алефиренко, П. Бурдье, В. З. Демьянков, А. А. Кибрик, Ю. Руднев, D. Edwards, M. Foucault, M. Pêcheux). Такой подход к интерпретации дискурса не мог не отразиться на понимании дискурсивного анализа, возникшего в 1970-е гг. на стыке ряда дисциплин и получившего в середине 1980-х гг. статус автономного научного направления. Среди исходных дисциплин, стоявших у истоков дискурс-анализа, большую роль сыграла теория идеологии, которая также разрабатывалась в междисциплинарном контексте в трудах социологов, философов, литературоведов, политиков, хотя так и не получила до сих пор общепринятых концепций. По-прежнему не определен статус идеологии относительно культуры, языка и дискурса, не установлены уровни ее анализа в дискурсе, не выявлены механизмы экспертизы

© Иванова С. В., Чанышева З. З., 2018

идеологических коннотаций в конфликтогенном дискурсе. Наконец, принципиально важным представляется установление связи между идеологической составляющей текста и лингвополитическим оформлением и подачей реальных событий в прессе. Эти и сопряженные с ними проблемы рассмотрены ниже в аналитическом обзоре.

Аналитический обзор литературы

Для решения задач исследования прежде всего необходимо уточнить понимание лингвистической экспертизы как метода формально-содержательного анализа текста. Данный метод предполагает пошаговое исследование идеологического компонента анализируемого объекта, соотносимое с речевой интенцией говорящего, что обуславливает обоснованную аспектизацию объекта, которая должна учитывать специфику проявления его отдельных сторон и форм обнаружения в интертекстуальном пространстве. Все это в совокупности ведет к диверсификации лингвистических процедур на различных этапах анализа. В проведенном исследовании в фокусе внимания находится идеологическая составляющая политического текста, которая определяется с позиций лингвокультурологии и лингвополитики как культурно-ценностная основа для освещения событий и оказания под этим углом зрения воздействия на целевую аудиторию. Это означает возможность оценить ее как автономный объект лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов, создаваемых в политической коммуникации.

Прежде всего необходимо уточнить ключевые понятия, раскрывающие связь между теорией идеологии и теорией дискурса. В объемной монографии британского философа Терри Иглтона «Ideology: An Introduction» в обзоре подходов фигурирует около десяти определений, в которых идеология рассматривается как система идей, взглядов, представлений, понятий, характеризующих социальную группу, класс, партию; набор политических убеждений, образующих основу политической и экономической систем; как нейтральное понятие или с негативной окраской [Eagleton 1991]. В собственной концепции исследователь подчеркивает еще ряд важных политических и дискурсивно ориентированных признаков идеологии: она нацелена на то, чтобы легитимизировать и рационализировать интересы правящего класса; относится не к языку, а к дискурсу; реализуется в модели высказывания, включающей следующие компоненты: субъект речи (**кто?**), предмет высказывания (**о чем?**),

адресат (**кому?**), конечный результат (**с какой целью?**) [Eagleton 1991].

Идею о привязке идеологии к дискурсу одними из первых стали развивать французские философы М. Фуко и М. Пешё. Согласно М. Фуко, наука, знание и идеология связаны с властью и отнюдь не противопоставлены друг другу. Власть выполняет репрессивную и идеологическую функции: надзирать, наблюдать, контролировать [Фуко 1996]. Свое понимание власти и идеологии автор связывает с «дисциплинарным» обществом и инквизиторской цивилизацией. Особую ценность для современных исследований имеют утверждения М. Фуко о том, что производство дискурса одновременно контролируется и подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, общей целью которых является обуздание властных полномочий [Фуко 1996]. Его теория также пополняет типологию дискурса критерием истинности/ложности, что сегодня в дискурсивной практике, связанной с актуальными проблемами, приобретает исключительную значимость. Это разграничение, известное древним грекам, связывало организацию истинного дискурса с надлежащим исполнением ритуала. Предложенный параметр был пересмотрен и уточнен М. Фуко и принял форму утверждения о соответствующем традиции и принятом в обществе способе рассуждения о чем-либо. В статье «Порядок дискурса» ученый излагает принципы, запреты и правила в организации дискурса, представляющего стихию, которую следует сознательно ограничивать, «устрашающую силу...<...>, то, чем сражаются, власть, которой пытаются завладеть» [Фуко 1996].

Развивая мысли М. Фуко, его последователь М. Пешё уточняет отношения между дискурсом и идеологией, подчеркивая, что идеология материализуется в дискурсе, который, следовательно, функционирует в сфере классовых отношений. Подхватив идею дискурсивных практик, исследователь разработывает понятие «матрицы смысла», в качестве которой выступает идеология, и соотносит ее с субъектом. Тем самым цепочка *идеология — дискурс* пополняется за счет недостающего звена в виде *субъекта*. Полученная таким образом связка *идеология — дискурс — субъект* позволяет преодолеть в фуконианской концепции бессубъектность дискурса, принимающую форму чрезмерного объективизма (см.: [Кожемякин 2008]).

Как следует из определений идеологии и ее целевого использования, она самым тесным образом связана с теорией дискурса и

дискурс-анализом. Труды упомянутых выше французских философов подготовили почву для появления концепций дискурса Р. Водак, Т. А. ван Дейка, Н. Фейрклафа. В своих монографиях Т. А. ван Дейк не только разработал наиболее популярную схему дискурс-анализа, но и показал, как дискурс используется для достижения целей идеологии: влиять на формирование и изменение ценностей, норм, оценок, которые определяют модели жизненного опыта; манипулировать массовым сознанием, насаждая определенные императивы и узаконивая существующие политические структуры разделения властей и укрепляя позиции доминантных социальных классов и групп [Dijk 1998]. Основатели критического дискурс-анализа исследуют возможности изменения дискурсивных смыслов благодаря разным инструментам интертекстуальности.

Оценивая роль идеологии в современном обществе, отметим ее ценностно-культурный ресурс для политики в целом и политического дискурса в особенности и согласимся с выводом С. Г. Тер-Минасовой о том, что понятие идеологии «закономерно перешло из лагеря беспристрастной науки на просторы политической борьбы за умы и сердца людей» [Тер-Минасова 2007: 33]. Не случайно выявление и изучение идеологического компонента в политическом дискурсе является сегодня актуальным направлением в политической лингвистике. Его исследуют в рамках когнитивного, дескриптивного и критического подходов, причем с позиций последнего выявляются маркеры социального, властного, политического неравенства, выраженного в дискурсе [Дейк 2013; Карасик 2004]. Принимая распространенный взгляд на политический дискурс как на институциональный, отметим тем не менее наличие в нем медийных характеристик лично ориентированного дискурса в силу его обращенности к массовой аудитории, установку на оказание манипулятивного речевого воздействия, управление информационным пространством, осуществление жесткого контроля над информированием массового читателя и навязывание ему аксиологической картины политического миропорядка. Эти черты наиболее ярко проявляются в конфликтогенном дискурсе, который обладает спецификой содержательно-формального, ценностного культурно-смыслового и дискурсивного характера [Чанышева, Хазиева 2015].

Обсуждение полученных результатов

Экспертная оценка идеологической составляющей конфликтогенных текстов де-

лалась в процессе исследования с опорой на лингвокультурологические процедуры с привлечением компонентного, контекстуального, дискурсивного методов анализа. Одно из преимуществ лингвокультурологической парадигмы состоит в том, что она предлагает исследователю надежный инструментарий для выявления и верификации идеологической информации в тексте. Идеологическая обусловленность единиц, формирующих политический дискурс, проявляется в виде ценностных коннотаций, которые можно использовать в качестве материала для интерпретации их культурной значимости. Предлагаемая экспертиза осуществляется в данном исследовании на трех уровнях анализа, который нацелен на выявление идеологической направленности текста и идеологической нагрузки его компонентов: 1) на уровне отдельных языковых единиц (слов, словосочетаний разного типа); 2) на более высоком, культурологическом уровне, отвечающем за актуализацию культурологической модальности в тексте; 3) на уровне дискурсивной организации текста как знака культуры и носителя ценностной информации. Выделение первого уровня связано с передачей языковой единицей денотативных и коннотативных значений, отвечающих за трансляцию оценочных отношений. Необходимость проведения анализа на культурологическом и дискурсивном уровнях обусловлена пониманием того, что ценности существуют в системе культуры и в системе дискурса [Марьянчик 2013: 8].

Согласно предложенной схеме, носители идеологической коннотации элементарного уровня устанавливаются по их способности вызывать ценностные ассоциации и представления у зрелого члена сообщества. В межкультурной коммуникации приходится учитывать, что нередко возникает конфликт культур в результате несовпадения порождаемых одними и теми же сигналами ассоциаций. Например, положительные оценочные смыслы, которые актуализировала номинация *КГБ* в сознании советских людей, были связаны с представлением об организации, имевшей целью обеспечить безопасность граждан, гарантировать защиту страны от внешних врагов, что вызывало чувство уважения и благодарности за сохранение порядка и законности в стране. В англоязычных лексикографических изданиях это словосочетание имеет помету, свидетельствующую о негативных ассоциациях в массовом сознании на Западе: *carrying on an impressively orchestrated psywar against the dissidents, the world's largest infamous secret-police and espionage organization* [Oxford Dic-

tionary]. Подобные идеологические и иные культурные и страноведческие коннотации обычно закрепляются в словарях культурологической направленности в форме сведений культурного характера [Газизов, Мурашов 2016; Иванова 2002; Чанышева, Дьяконова 2007].

На категориальном уровне лингвокультуры экспертиза основывается на выявлении культурно-идеологической информации на материале средств репрезентации лингвокультурологических категорий (свой/чужой, прецедентность, политкорректность [Иванова, Чанышева 2010; Иванова 2016]). На наш взгляд, помимо указанных выше, в экспертизе политического дискурса необходимо учитывать также категории политической лингвокультуры, включающие политическую власть, политическую культуру, властную и политическую асимметрию во внутрикультурном и межкультурном политическом пространстве. По свидетельству многих ученых, исследующих оппозицию «свои» / «чужие» в межкультурном пространстве, она получает своеобразное преломление на классической эмоциональной шкале, отражая достаточно субъективный характер квалификации своих и чужих в терминах «хорошее» / «плохое» (А. Н. Баранов, Л. И. Гришаева, С. В. Иванова, В. Б. Кашкин, В. В. Красных, А. А. Матвеева). Исследования показывают, что в политической коммуникации эта оппозиция лежит в основе конфликтных ситуаций, возникающих, как правило, из-за идеологических разногласий [Чанышева, Хазиева 2015]. В терминах лингвокультуры на данном уровне целесообразно говорить о проявлении культурологической модальности, которая отвечает за оценку с точки зрения принятых в обществе норм, при этом шкалирование осуществляется между полюсами «добро ÷ зло» посредством выражения одобрения/неодобрения [Иванова 2017: 174].

На уровне дискурсивной организации текста лингвистическая экспертиза направлена на интерпретацию идеологического компонента в культурно-ценностном поле текста, представляющем фрагмент ценностного поля культуры. На идеологическую суть ценностного параметра культуры справедливо указывал еще Р. Барт, подчеркивая, что любой индивид с рождения погружен в определенную идеологическую атмосферу, вынужден читать и усваивать ту Книгу культуры, которую предложили ему его эпоха, среда, социальное положение, система воспитания и образования, существовавшая в его время [Барт 2001]. Отличая текст от произведения, ученый сделал вывод о первичности текста как носителя коннотаций, упо-

добляя текст морю социокультурных смыслов [Косиков 2004]. Этот уровень анализа является базовым, так как он оперирует категорией «ценность» (value), пронизывающей всё пространство культуры, образующей ее ядро и локализуемой на всех уровнях дискурсивного представления политической реальности. Привязка ценности к культуре является важным фактором, поскольку «каждая культура имеет свои размеры, свой шейп и свой взгляд на ценности» [Шаховский 2008: 289]. В полной мере это положение относится к политической культуре и идеологическим ценностям.

На этом уровне экспертизы на первый план выходит анализ способа лингвополитического моделирования ситуаций, поскольку массовый читатель оказывается в плену информационной картины миропорядка, которая, следуя традициям политики постправды [Mearsheimer 2011], часто представляет собой продукт, радикально отличающийся от реальности. В итоге политическая реальность вытесняется удобной практикой ее языкового программирования, поскольку в условиях сформировавшегося информационного сообщества происходит «триумф информации, которая ведет к гибели политики», о чем предупреждал французский социолог Пьер Бурдьё [Бурдьё 2002].

В информационной войне ведущим стал принцип «язык против реальности» [Щипков 2014], и, судя по имеющимся материалам, политически ангажированная лингвистика закрепились прочно и, как представляется, надолго в современных средствах информации на Западе, что и определяет качество ее информационного продукта. Знаменитый американский лингвист, философ и политический публицист Ноам Хомский дает пример манипулятивного использования языка из новейшей истории, сравнивая события в январе 2015 г. в Париже (теракт в редакции сатирического журнала «Шарли Эбдо») и события в Югославии в 1999 г. (натовский обстрел ТВ-центра в Сербии). Его обвинение направлено против лицемерия и пристрастного освещения аналогичных событий с позиций «своих» и «чужих»: *Charlie Hebdo attacks were terrorism, but so was NATO strike on Serbian TV building in 1999. "Their" crimes are terror attacks, while "Our" attacks are not crimes but are noble defense of values (Атака на „Шарли Эбдо“ была терроризмом, но таковыми были и удары по зданию телецентра Сербии в 1999. „Их“ атаки приобретают квалификацию террористических, в то время как „наши“ атаки являются не преступлением, но благородной защитой ценностей)* [Chomsky 2015].

Изложенные выше принципы анализа политического дискурса и сама модель экспертизы использованы нами в ходе анализа первого выступления Дональда Трампа на 72-й сессии Генассамблеи ООН [Trump], которое можно квалифицировать как типичный пример конфликтогенного дискурса, спровоцировавшего лавину ответных не менее агрессивных и воинственных реакций со стороны различных средств массовой информации.

Начиная экспертизу с анализа лексической семантики и культурно-идеологических коннотаций, обратим внимание на фрагменты выступления, в которых на идеологический компонент содержания приходится наибольшая нагрузка. Самый сильный резонанс в мировой прессе получил выпад американского президента против КНДР и его руководителя Ким Чен Ына, в отношении которого Трамп, заслуживший славу создателя политических прозвищ, приберег обидный ярлык *Little Rocket Man / Маленький человек-ракета*. Эта наиболее агрессивная часть выступления построена на ключевых единицах экспрессивной лексики, создающей образные и эмоционально-оценочные негативные коннотации, призванные мотивировать и оправдать выносимый в речи суровый и страшный вердикт: *the scourge of our planet, reckless nuclear program, rogue regime, regime's deadly abuse, this band of criminals, imperils the world, hostile behavior, unthinkable loss of human life, Rocket Man is on a suicide mission for himself and the country, totally destroy the country, etc.* (планетарный бич, необдуманная ядерная программа, преступный режим, смертельная угроза режиму, банда преступников, угрожает миру, враждебное поведение, непоправимые потери человеческих жизней, Человек-ракета выполняет самоубийственную миссию в отношении себя и своей страны, полностью разрушает страну и т. п.). В структуре значений приведенных единиц имеются компоненты, указывающие на негативную личностную, политическую и идеологическую характеристику лидера Северной Кореи и атмосферы в стране: *utterly unconcerned about the consequences of some action; without caution; careless; belonging or appropriate to an enemy; showing the disposition of an enemy; showing ill will and malevolence, or a desire to thwart and injure; dangerous esp. to life: destructive to one's own interests* [Merriam-Webster].

Второй мишенью для злобных нападок стало руководство Ирана, в отношении политики которого также использована лексика, указывающая на якобы агрессивный

политический курс и диктаторский режим страны, обстановку беззакония с актами насилия, кровопролитие и смерть: *murderous regime, corrupt dictatorship, speak openly of mass murder, vow death to America, destruction to Israel, ruin for many leaders, violence, bloodshed, chaos, longest-suffering victims of Iran's leaders, etc.* (режим-убийца, коррупцированная диктатура, открыто говорит о массовых убийствах, прокликает Америку, разрушение Израиля, уничтожение многих лидеров, насилие, кровопролитие, хаос, многострадальные жертвы лидеров Ирана и т. д.) [Trump]. Компонентный анализ вскрывает семантические элементы в значениях приведенных единиц, призванных создать образ непримиримого врага «демократии по-американски» (*having the purpose or capability of murder, characterized by or causing murder or bloodshed, having the ability or power to overwhelm; devastating; shedding or spilling of blood; slaughter; the act of shedding human blood, or taking life, as in war, riot, or murder* [Merriam-Webster]).

Щедро рассыпая злостные эпитеты в адрес лидеров этих стран, Дональд Трамп объединяет их, а заодно и лидера Венесуэлы Николаса Мадуро, руководителей Кубы и бывшего Советского Союза, одной идеологической доктриной — социализма, которую обвиняет в исторической несостоятельности и неизбежном крахе: *socialism/communism delivered anguish and devastation and failure, the tenets of these discredited ideologies, failed ideology that has produced poverty and misery everywhere it has been tried, live under these cruel systems, rogue regimes* (социализм/коммунизм принес боль, разрушение и упадок; главные принципы этих дискредитированных идеологий; провальная идеология, которая породила нищету и страдание везде, где ее пытались применить; жить под гнетом этих жестоких систем; преступные режимы). Высказанные обвинения в адрес идеологического врага суммированы в базовом противопоставлении «своих» и «чужих» в формуле *"If the righteous many do not confront the wicked few, then evil will triumph"* (если добропорядочное большинство не будет противостоять малому количеству нечестивцев, то зло восторжествует), повторяющей прецедентную формулировку Дж. Буша-старшего о странах «оси зла» (*axis of evil states*), запущенную в оборот в 2002 г. Кого же Трамп причисляет к «своим», представляющим «добропорядочное большинство»? По мнению американского президента, это — сильные независимые страны Европы — союзники США (*the Western Hemisphere, the USA and its allies, a*

coalition of strong and independent nations of Europe, the powerful people in this room), признающие Конституцию США как гарант мира, процветания и свободы (*the foundation of peace, prosperity, and freedom for the Americans and for countless millions around the globe*), объединенные значительными результатами, а не идеологией (*guided by outcomes, not ideology*). Американский президент явно лукавит, как бы отказываясь от идеологических претензий, полагая, что базовые идеологические ценности его политкультуры должны быть известны априори и восприниматься как нечто само собою разумеющееся. Главная цель обращения президента к тем, кого он считает «своими», — объединить усилия для совместных выступлений против общего врага. Эта установка звучит рефреном после каждой атаки на идеологического оппонента: работая вместе, бороться против тех, от кого исходит угроза (*must work together and confront together those who threaten us*), присоединяться к общим шагам в форме изоляции стран, продолжения политики санкций, вплоть до нанесения поражения «врагам человечества» (*to isolate the Kim regime, all responsible nations must work together, joining the vote to impose sanctions, condemning the regime and providing vital support, prepared to take further action, prepared to do more to address this very real crisis, need to defeat the enemies of humanity*). В этой борьбе президент обещает неизменную помощь в виде финансовой и материальной поддержки со стороны США (*our economic bond forms a critical foundation for advancing peace and prosperity for all of our people and all of our neighbors*) [Trump].

В контексте воззвания к объединению усилий Д. Трамп еще раз акцентирует роль США как «гегемона» в глобальном мире: хотя политик и не пользуется открыто этим выражением, мысль о лидерстве и однополярном мире содержится в тексте имплицитно. Эта позиция воплощает идеи фразы «America First», ставшей центральным лозунгом не только в президентском инаугурационном выступлении, но и во всей предшествовавшей ему президентской гонке 2016 г. Согласно «Washington Post», Д. Трамп проигнорировал порочный смысл пресловутого прецедентного высказывания, использованного впервые Чарльзом О. Линдбергом в несдержанно-резкой, несправедливой и даже опасной по своим импликациям речи с призывом не вступать во Вторую мировую войну [Thomas 2016], и наделил его собственной коннотацией. Эта фраза переключается и с другим прецедентным выражени-

ем, «Make America Great Again», которое с небольшими вариациями использовалось в президентских кампаниях Р. Рейгана и Б. Клинтона. В соответствии со своим предвыборным лозунгом Д. Трамп пытается доказать реализуемость данных им обещаний. Настоящая речевая интенция выражается за счет нагромождения касающихся всех сфер жизни описаний в превосходной степени (*all-time high — a record, unemployment at its lowest level, has not seen it in a very long time, the strongest military, the oldest Constitution in use, among the greatest forces for good, the greatest defenders of sovereignty, security and prosperity for all / рекордный, выше, чем когда-либо; самый низкий за долгое время уровень безработицы; самые сильные вооруженные силы; старейшая из ныне действующих Конституция; среди сильнейших; самые большие защитники суверенитета, безопасности и благосостояния*) [Trump].

В ходе анализа на текстуальном уровне экспертизы было установлено, что в самой первой речи 45-го президента США с трибуны ООН, продолжавшейся 41 минуту, наиболее частотными единицами являются *regime* (17), *threat(en)*, *peril (imperial)* (11) в сочетании с жестко негативными атрибутами (28), когда он говорит о политических и идеологических врагах. Однако эффект, на который рассчитывал Д. Трамп, не получился, поскольку его выступление делегаты встретили молчанием, не приняв призыва объединиться с целью полного уничтожения лидера Северной Кореи и его страны в силу осознания серьезности ситуации, чреватой всемирной катастрофой.

Статистика приведенных выше примеров свидетельствует об установке оратора выбрать способ лингвополитического моделирования ситуации в мире, который проводит резкий водораздел между «своими» и «чужими» в глобальном масштабе и соответственно диктует не только воинственную риторику, но и приемы достижения поставленной коммуникативной цели. Частотность использования указанных ключевых слов в отношении стран, которые отнесены к лагерю врага, направлена на создание атмосферы страха, политику устрашения и запугивания аудитории за счет эмоционального представления якобы исходящих от этих стран угроз. Судя по семантике и частотности употребления слов, призванных доказать вербальную и реальную агрессию со стороны противника, Д. Трамп позиционирует себя как жесткий критик, не питающий надежд на успех дипломатических мер. Однако в докладе это противопоставление

«добра и зла» получает неожиданную развязку по трамповскому сценарию: резко и беспощадно критикуя страны «оси зла», президент США, пытаясь добиться позитивной самопрезентации как поборника мира, в призыве к решительным действиям выступает фактически с самой страшной в мире угрозой тотального уничтожения целого народа, которая в век ядерных технологий воспринимается аудиторией как угроза человечеству и несопоставима по своим результатам с теми, которые он страстно бичевал. Приводимый им аргумент (*the US will have no choice but to .../ у США не останется другого выбора, как ...*) звучит слабо и неубедительно. По высказываниям президента видно, что он не желает продолжать дипломатические усилия и даже предпринятые его предшественником Б. Обамой шаги (заключение договора с Ираном) считает позором для страны: «*The Iran deal is an embarrassment to the United States*».

Как смертельную угрозу расценили слова Д. Трампа не только здравомыслящие политики и рядовые американцы, но даже близкие союзники США, включая Великобританию, чью позицию озвучил Борис Джонсон, действующий министр иностранных дел. В обзорах, посвященных данному выступлению, подчеркивается, что Д. Трамп угрожал разрушением народу целой страны, что не соответствует законам этики (*he threatened the destruction of an entire country <...> waging war against people.<...> it is a much less credible and ethical threat.* [Schake 2017]). В своей воинственной речи он обрушился на противников США и призвал «праведные» страны на борьбу с ними. Тишина, в которой прозвучала речь, перемежалась редкими сдавленными возгласами неодобрения, в то время как Трамп продолжал шельмовать враждебные режимы (*in a bellicose first address to the United Nations general assembly in which he lashed out at a litany of US adversaries and called on "righteous" countries to confront them. The speech was greeted in the UN chamber mostly with silence and occasional outbreaks of disapproving murmurs, as Trump castigated a succession of hostile regimes* [Borger 2017]). Политики настороженно слушали, понимая, что в основе озвученной позиции лежит регановский принцип «мир посредством силы», а это означает, что Дональд Трамп может пойти дальше безобидной риторики президента Обамы, приняв в качестве плана курс на поражение Северной Кореи (*based on the Regan principle of 'peace through strength', president Trump can go further than Obama' mere rhetoric...<...> by adopting the plan to defeat North Korea and China* [Pandolfi

fo 2017]).

На уровне реализации лингвокультурологических категорий, которые в силу своей природы отвечают за передачу ценностных ориентаций, целесообразно прежде всего говорить об актуализации культурологической модальности, которая предполагает объективацию оценочных смыслов, соответствующих культурно-ценностной картине мира того или иного лингвокультурного сообщества. Культурологическая модальность транслируется посредством культурноносных единиц (или культуронимов), т. е. единиц, передающих наряду со своим значением информацию культурно-ценностного плана. Культурно-ценностная информация может быть сопряжена с денотативным, коннотативным, сигнификативным или прагматическим компонентом значения лексем. Актуализация культурно-ценностной информации может быть связана и с порождаемыми в тексте культурно-ценностными смыслами [Иванова, Чанышева 2014]. Соответственно культуроним выступает источником модализации, в основе которой лежит оценка, обусловленная одобрительным или неодобрительным отношением к определенному факту или ситуации окружающей действительности в свете принятых в лингвокультурном сообществе ценностных ориентаций. В результате культурологическая модальность создает в тексте оценочный социально-культурный контекст, который, с одной стороны, напрямую связан с культурологической идентичностью продуцента текста, а с другой, представляет собой один из пластов аксиологического пространства текста.

Однако, будучи ответственной за один тип оценки, в политическом дискурсе культурологическая модальность вступает в специфические отношения с модальностью идеологической, интерпретируемой «как совокупность оценочных значений и отношений, которые базируются на политических взглядах» [Марьянчик 2013: 14] и реализуемой посредством совокупности оценочных предикатов, нацеленных на передачу идеологической позиции автора [Марьянчик 2013: 16—17]. При этом приоритетной задачей идеологической модальности является управление процессом интерпретации высказываний адресатом [Дускаева, Краснова 2016: 52]. Соответственно, ее характерная особенность состоит в том, что она «подминает» под себя другие очаги модализации в том смысле, что она иррадирует политические оценки на все другие виды оценок, которые объединены в один аксиологический контекст. Вполне закономерно, что очаги культурологической модальности порож-

дают аксиологические смыслы, сопряженные с политическими взглядами продуцента текста и подчиненные им.

В анализируемом тексте культурологические единицы прежде всего представлены политическими мифологемами, которые насыщают выступление 45-го президента США и отражают специфику его языковой личности. Политические мифологемы — это ментальные сущности, относящиеся к политической сфере и выраженные посредством языковых единиц с ощутимым воздействующим потенциалом благодаря внедренной в них культурно-ценностной информации, относящейся к основополагающим идеям о социально-политическом устройстве. Как отмечают исследователи, транспонирование концептуальной информации в лексические единицы является главным воздействующим инструментом политика, который не только «озвучивает» последние, но и стремится зафиксировать их в концептуальной и языковой картинах мира адресной аудитории [Какорина 2008: 504]. Политические мифологемы в речи Д. Трампа объективируют культурные концепты, характерные для культурно-ценностной картины мира американца: *opportunity* / возможность (*We live in a time of extraordinary **opportunity**; We have invested in better health and **opportunity** all over the world*), *dream* (help our citizens realize their **dreams**), *freedom* / свобода (*Our citizens have paid the ultimate price to defend **our freedom** and **the freedom** of many nations represented in this great hall*), *democracy* / демократия (*The Iranian government masks a corrupt dictatorship behind the false guise of a **democracy**; The greatest in the United States **Constitution** is its first three beautiful words. They are: “**We the people**.” Generations of Americans have sacrificed to maintain the promise of those words, the promise of our country, and of our great history. In America, **the people** govern, **the people** rule, and **the people** are sovereign. I was elected not to take power, but to give power to **the American people**, where it belongs*), *independence* / независимость (*The success of the United Nations depends upon the **independent** strength of its members*), *rights* / права (*respect the sovereign **rights** of its neighbors*), *American exceptionalism* / американская исключительность (*In America, we do not seek to impose our way of life on anyone, but rather to let it **shine as an example** for everyone to watch; As long as I hold this office, I will defend **America’s interests above all else***). Данные мифологемы отражают стереотипы американцев о самих себе. Это фантомные единицы, которые получают в речи американских политиков исключитель-

но «американскую трактовку» [Садуов 2011: 13]. И Д. Трамп не исключение в этом ряду. Так, к примеру, если и существует демократия, то это только демократия по-американски. Все остальное — фальшивая маска: *The Iranian government masks a corrupt dictatorship behind the false guise of a democracy*.

Названные выше единицы, которые выступают в качестве очагов культурологической модальности, получают идеологическую трактовку, поскольку выступают в рамках идеологического контекста: кто не с нами — тот против нас (пример с Ираном). В результате этноцентричности в интерпретации использованных номинаций и соответственно этноцентричного принципа построения текста на культурологическом уровне, который предполагает собственное прочтение всех названных сущностей как единственно возможное и правильное, политик производит разделение на своих и чужих и в том числе навязывает свои трактовки и свои политические взгляды. Как следствие, создается некий идеальный образ исключительной страны, которая, как это ни парадоксально, не столько показывает пример, ослепительный в своей позитивной силе, сколько бряцает оружием и пугает тех, кто не укладывается в обозначенную ей систему координат.

Экспертиза речи Д. Трампа на уровне дискурсивной организации текста показывает обилие констативов (по Дж. Остину), которые представляют утверждения или высказывания общего характера, не выдерживающие проверки соответствия действительности, т. е. не могущие быть верифицированными: *In America, we do not impose our way of life on anyone, but rather let it shine as an example for everyone to watch* (В Америке мы не навязываем никому свой образ жизни, но позволяем ему сиять как светочу, который каждый может наблюдать); *In America, the people govern, the people rule, and the people are sovereign* (В Америке народ управляет, народ правит и народ является сувереном); *America does more than speak for the values expressed in the United Nations Charter* (Америка делает гораздо больше, чем просто защищает ценности, выраженные в Хартии ООН); *The United States has great strength and patience* (США сильны и терпеливы); *The United States is a compassionate nation* (США — это сочувствующая страна). Практически все примеры содержат вызывающие законные сомнения утверждения о целях, интересах, ценностях внутренней и внешней политики США, умело и талантливо упакованные, позволяющие уверенно переходить от постправды к агрес-

сии против «несогласных». Даже подключение эксплицитных перформативов не помогает пройти тест на соответствие реальности: *"I don't think you've heard the last of it — believe me"*; *"we cannot allow it to tear up our nation"*; *"We seek the de-escalation of the Syrian conflict"*; *"I want to salute the work of the United Nations in seeking to address the problems"*; *"We are prepared to take further action"*; *"We seek stronger ties of business and trade with all nations of good will"*.

В появившихся в мировой прессе откликах на речь президента США также используется подмена терминов как лингвополитический прием, когда слова и выражения вступают в конфликт с реальностью и конкретными событиями. Применяя словесный камуфляж, верные союзники США пытаются оправдать акты неоправданного, нарушающего международное право вмешательства во внутренние дела других стран в разных регионах мира и использования военной силы. Прецедентная фраза «peace through strength» («мир через демонстрацию силы»), запущенная в оборот Р. Рейганом, пришлась по душе политическим «ястребам», так же как и схожие с ней по сути выражения языкового программирования единицы «humanitarian war/ bombing» (бомбардировки мирной Югославии в 1999 г.) и «peace enforcement forces» (операции по принуждению к миру), которые использовались американцами и их союзниками (в качестве предлога озвучивалась необходимость восстановления «закона и порядка») для оправдания войны в Персидском заливе против Ирака под названием «Буря в пустыне», в Ливане, Сьерра-Леоне и других регионах.

Выводы

Таким образом, предложенная модель лингвистической экспертизы идеологического содержания политического конфликтогенного дискурса позволяет использовать ее для получения объективных данных, отталкиваясь от смысловой интерпретации содержания на уровне элементарных единиц текста, переходя на категориальный уровень и завершая анализ на уровне дискурсивной организации текста. Благодаря использованию лингвокультурологической парадигмы подход к тексту обеспечивает выход за пределы лингвистики, что позволяет трактовать его как знак культуры, служащий местом стыковки носителей языковой и культурно-идеологической информации. Экспертиза идеологической составляющей политического текста показывает специфику ее проявления на разных уровнях, начинаясь с семантики отдельных элементов, переходя на

уровень обобщающих категорий (свой/чужой, прецедентность, неравенство политическое и статусное в межкультурном пространстве, проявляющееся в форме гегемонии сильного государства над слабыми) и завершаясь выбором способа лингвополитического моделирования событий и миропорядка в целом, преследующего цель формирования и насаждения ложной аксиологической картины мира. Согласно полученным данным экспертизы конфликтогенного текста, следует пересмотреть локализацию в нем ценностно-культурных коннотаций, возникающих в результате рассеивания смыслов политико-идеологических императивов в пространстве целостного текста. Экспертиза доказывает практическую возможность выявления разноплановых носителей идеологической сверхзадачи текста в политической коммуникации, подтверждая, что в своем функционировании политический дискурс преследует цель не только своевременно реагировать на события дня, но и помещать их в заданные идеологические рамки, навязывая аудитории продиктованный формат их восприятия и оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2009. 592 с.
2. Барт Р. "S/Z" : пер. с фр. 2-е изд., испр. — М. : Эдиториал, 2001. 232 с.
3. Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой ; отв. ред., предисл. Н. Шматко. — М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Ин-т экспериментальной социологии, 2002. С. 105—141.
4. Газизов Р. А., Мурашов Р. З. Лингвокультурология и современная лексикография // Вестн. Башкир. ун-та. 2016. Т. 21. № 2. С. 413—420.
5. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
6. Дускаева Л. Р., Краснова Т. И. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры (опыт обобщения) // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 51—57.
7. Иванова С. В. Культурологическая модальность как смыслообразующий фактор текста // Культурно-семиотическое пространство русской словесности: история развития и перспективы изучения : материалы Междунар. науч. конф. — М. : Круть, 2017. С. 174—180.
8. Иванова С. В. Лингвокультурология: изучая культурный универсум // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 2. С. 9—16.
9. Иванова С. В. Подходы к составлению лингвокультурологического словаря // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2002. № 6. С. 174—176.
10. Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. 366 с.
11. Иванова С. В. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культураносности / С. В. Иванова, З. З. Чанышева // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. 2014. № 4. С. 153—164.
12. Какорина Е. В. Активные процессы в языке средств массовой информации // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX—XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М. : Языки славянских культур,

2008. С. 495—548.

13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. 390 с.

14. Кожемякин Е. А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // Научные ведомости. 2008. № 4 (44). С. 5—17.

15. Косиков Г. К. Идеология. Коннотация. Текст (по поводу книги Р. Барта «S/Z») // S/Z / Р. Барт; пер. Г. К. Косикова, В. П. Мурат; общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Ad Marginem, 1994. С. 277—302.

16. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Практикс, 2005. 256 с.

17. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. — М.: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. 462 с.

18. Марьянич В. А. Аксиологическая структура медиаполитического текста (лингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Архангельск, 2013. 36 с.

19. Садуов Р. Т. Лингвокультурный и семиотический анализ особенностей структуры и содержания политического дискурса Барака Х. Обамы: автореф. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2011. 24 с.

20. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. — М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.

21. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине — по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с франц. — М.: Касталь, 1996. 448 с.

22. Чанышева З. З. Информационные технологии смысловых искажений в кликбейт-заголовках // Вестн. ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 4. С. 54—62.

23. Чанышева З. З., Дьяконова Г. Р. Русско-английский лингвокультурологический словарь реалий общественно-политической, экономической и социально-культурной жизни. — Уфа, 2007. 197 с.

24. Чанышева З. З., Хазиева Р. Р. Дискурсивные практики использования агрессивной лжи в конфликтогенном дискурсе // Вестн. Башкир. ун-та. Уфа. 2015. Т. 20. № 3. С. 974—980.

25. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. — М.: Гнозис, 2008. 416 с.

26. Щипков А. В. Феномен лингвополитического и реальной политика // Армия и общество: науч.-информ. журн. — М.: Науч.-исслед. центр «Наука-XXI». 2014. № 6 (43). С. 18—21.

27. Borger J. Donald Trump threatens to 'totally destroy' North Korea in UN speech [Electronic resource] // The Guardian. 19.09.2017. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/19/donald-trump-threatens-totally-destroy-north-korea-un-speech>.

28. Chomsky N. Paris attacks show hypocrisy of West's outrage [Electronic resource] // CNN. 20.01.2015. URL: <http://edition.cnn.com/2015/01/19/opinion/charlie-hebdo-noam-chomsky/index.html>.

29. Dijk van T. A. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Approach. — London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publ., 1998. [VII], 365 p.

30. Eagleton T. Ideology: An Introduction. — London; New York: Verso, 1991. [IX], 242 p.

31. Mearsheimer J. J. Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 2011. 102 p.

32. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.

33. Oxford Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.

34. Pandolfo C. 5 great things from Trump's UN speech [Electronic resource] // Conservative Review. 20.09.2017. URL: <https://www.conservativereview.com/articles/5-great-things-from-trumps-un-speech/>.

35. Schake K. What Total Destruction of North Korea Means [Electronic resource] // The Atlantic. 19.09.2017. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/09/north-korea-trump-united-nations-kim-jong-un-nuclear-missile/540345/>.

36. Thomas L. America First, for Charles Lindbergh and Donald Trump [Electronic resource] // The New Yorker. 24.06.2016. URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/america-first-for-charles-lindbergh-and-donald-trump>.

37. Trump D. Trump's 2017 U.N. speech transcript [Electronic resource] // Politico. 19.09.2017. URL: <http://www.politico.com/story/2017/09/19/trump-un-speech-2017-full-text-transcript-242879>.

S. V. Ivanova
St. Petersburg, Russia

Z. Z. Chanysheva
Ufa, Russia

IDEOLOGICAL COMPONENT OF CONTENT AS AN OBJECT OF LINGUISTIC EXPERTISE OF POLITICAL TEXT

ABSTRACT. *The article discusses procedures of linguistic expertise of political text aimed at revealing and assessing its ideological impact. The empirical material includes the debut address of the US 45-th president at the 72 UNO session in September this year and response reactions to it in the global press. This speech is qualified as a perfect sample of conflict generating discourse in political communication. The research is based on linguacultural approach to ideological content as a variety of cultural information in conjunction with componential, contextual and discursive methods. The author substantiates a three-level model of expertise: the level of textual linguistic elements; the categorical level based on cultural modality responsible for the exposition of the categories of the linguacultural paradigm and those of linguapolitics; the discursive level of a text viewed as a product of linguapolitical modeling of reality. The linguistic expertise of texts reveals the role of ideological connotations which reflect cultural axiological assessment of world events in the mind of a political discourse subject. The categorical level of analysis brings to light conditions of discursive functioning with reference to categories of Us/Them, precedence, political power, political asymmetry and inequality in intercultural space. The level of discursive organization of a text proves the importance of ideological values of American linguaculture in linguapolitical modelling of world relations pursuing the posttruth politics when covering current urgent issues, evaluating events of the past and giving prognostic views of the future.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; political discourse; linguocultural paradigm; linguocultural modality; linguo-political approach; information modeling; ideological evaluative connotations.*

ABOUT THE AUTHORS: *Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, English Philology Chair, Professor and Head of the Chair, Pushkin Leningrad State University.*

Chanysheva Zulfira Zakievna, Doctor of Philology, English Language and Intercultural Communication Chair, Professor, Bashkir State University.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2009. 592 s.
2. Bart R. "S/Z" : per. s fr. 2-e izd., ispr. — M. : Editorial, 2001. 232 s.
3. Burd'e P. Pole politiki, pole sotsial'nykh nauk, pole zhurnalistiki // O televideanii i zhurnalistike / per. s fr. T. Anisimovoy, Yu. Markovoy ; otv. red., predisl. N. Shmatko. — M. : Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», In-t eksperimental'noy sotsiologii, 2002. S. 105—141.
4. Gazizov R. A., Muryasov R. Z. Lingvokul'turologiya i sovremennaya leksikografiya // Vestn. Bashkir. un-ta. 2016. T. 21. № 2. S. 413—420.
5. Deyk T. A. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii : per. s angl. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013. 344 s.
6. Duskaeva L. R., Krasnova T. I. Intentsional'nost' i modalizatsiya mediateksta v kontekste kul'tury (opyt obobshcheniya) // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 51—57.
7. Ivanova S. V. Kul'turologicheskaya modal'nost' kak smysl-obrazuyushchiy faktor teksta // Kul'turno-semioticheskoe prostranstvo russkoy slovesnosti: istoriya razvitiya i perspektivy izucheniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. — M. : Krug", 2017. S. 174—180.
8. Ivanova S. V. Lingvokul'turologiya: izuchaya kul'turnyy universum // Vestn. RUDN. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 20. № 2. S. 9—16.
9. Ivanova S. V. Podkhody k sostavleniyu lingvokul'turologicheskogo slovarya // Vestn. Orenburg. gos. un-ta. 2002. № 6. S. 174—176.
10. Ivanova S. V., Chanyшева Z. Z. Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya. — Ufa : RITs BashGU, 2010. 366 s.
11. Ivanova S. V. Semantika i pragmatika yazykovogo znaka kak drayvery kul'turonosnosti / S. V. Ivanova, Z. Z. Chanyшева // Vestn. RUDN. Ser.: Lingvistika. 2014. № 4. S. 153—164.
12. Kakorina E. V. Aktivnye protsessy v yazyke sredstv massovoy informatsii // Sovremennyy russkiy yazyk: aktivnye protsessy na rubezhe KhKh—KhKhI vekov / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. S. 495—548.
13. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — M. : Gnozis, 2004. 390 s.
14. Kozhemyakin E. A. Analiz diskursa kak sistemy rasseivaniya v traditsii frantsuzskoy filosofii vtoroy poloviny XX veka (M. Fuko, M. Peshe) // Nauchnye vedomosti. 2008. № 4 (44). S. 5—17.
15. Kosikov G. K. Ideologiya. Konnotatsiya. Tekst (po povodu knigi R. Barta «S/Z») // S/Z / R. Bart ; per. G. K. Kosikova, V. P. Murat ; obshch. red., vstup. st. G. K. Kosikova. — M. : Ad Marginem, 1994. S. 277—302.
16. Luman N. Real'nost' massmedia / per. s nem. A. Yu. Antonovskogo. — M. : Praxis, 2005. 256 s.
17. Maklyuen G. M. Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka / per. s angl. V. G. Nikolaeva. — M. : KANON-press-Ts ; Zhukovskiy : Kuchkovo pole, 2003. 462 s.
18. Mar'yanchik V. A. Aksiologicheskaya struktura mediapoliticheskogo teksta (lingvostilisticheskyy aspekt) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — Arkhangel'sk, 2013. 36 s.
19. Saduov R. T. Lingvokul'turnyy i semioticheskyy analiz osobennostey struktury i soderzhaniya politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy : avtoref. ... kand. filol. nauk. — Ufa, 2011. 24 s.
20. Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazykov i kul'tur: voprosy teorii i praktiki. — M. : AST : Astrel' : Khranitel', 2007. 286 s.
21. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine — po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let : per. s frants. — M. : Kastal', 1996. 448 s.
22. Chanyшева Z. Z. Informatsionnye tekhnologii smyslovykh iskazheniy v klikbeyt-zagolovkakh // Vestn. PNIPU. Problemy yazykoznaneya i pedagogiki. 2016. № 4. S. 54—62.
23. Chanyшева Z. Z., D'yakonova G. R. Russko-angliyskiy lingvokul'turologicheskyy slovar' realiy obshchestvenno-politicheskoy, ekonomicheskoy i sotsial'no-kul'turnoy zhizni. — Ufa, 2007. 197 s.
24. Chanyшева Z. Z., Khazieva R. R. Diskursivnye praktiki ispol'zovaniya agressivnoy lzhi v konfliktogennom diskurse // Vestn. Bashkir. un-ta. Ufa. 2015. T. 20. № 3. S. 974—980.
25. Shakhovskiy V. I. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy : monogr. — M. : Gnozis, 2008. 416 s.
26. Shchipkov A. V. Fenomen lingvopoliticheskogo i real'naya politika // Armiya i obshchestvo : nauch.-inform. zhurn. — M. : Nauch.-issled. tsentr «Nauka-XXI». 2014. № 6 (43). S. 18—21.
27. Borger J. Donald Trump threatens to 'totally destroy' North Korea in UN speech [Electronic resource] // The Guardian. 19.09.2017. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/sep/19/donald-trump-threatens-totally-destroy-north-korea-un-speech>.
28. Chomsky N. Paris attacks show hypocrisy of West's outrage [Electronic resource] // CNN. 20.01.2015. URL: <http://edition.cnn.com/2015/01/19/opinion/charlie-hebdo-noam-chomsky/index.html>.
29. Dijk van T. A. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Approach. — London ; Thousand Oaks ; New Delhi : SAGE Publ., 1998. [VII], 365 p.
30. Eagleton T. Ideology: An Introduction. — London ; New York : Verso, 1991. [IX], 242 p.
31. Mearsheimer J. J. Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2011. 102 p.
32. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/>.
33. Oxford Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.
34. Pandolfo C. 5 great things from Trump's UN speech [Electronic resource] // Conservative Review. 20.09.2017. URL: <https://www.conservativereview.com/articles/5-great-things-from-trumps-un-speech/>.
35. Schake K. What Total Destruction of North Korea Means [Electronic resource] // The Atlantic. 19.09.2017. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/09/north-korea-trump-united-nations-kim-jong-un-nuclear-missile/540345/>.
36. Thomas L. America First, for Charles Lindbergh and Donald Trump [Electronic resource] // The New Yorker. 24.06.2016. URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/america-first-for-charles-lindbergh-and-donald-trump>.
37. Trump D. Trump's 2017 U.N. speech transcript [Electronic resource] // Politico 19.09.2017. URL: <http://www.politico.com/story/2017/09/19/trump-un-speech-2017-full-text-transcript-242879>.